животное, an animal in general, a beast, Слав. песъ. — Отъ Санскр. çav (ire), çuk (ire) происходятъ Слав. собака, сука.

Изъ понятія *двигаться, идти*, развивается понятіе: идти вверхъ, расти, увеличиваться, усиливаться, быть сильнымъ, крѣпкимъ, твердымъ, здоровымъ, мочь, а также понятія: мочь, сила, крѣпость, твердость, здоровье. Примѣры:

Отъ Санск. kram—ire, incedere, Санск. krama — сила, Stärke, Macht. Латышск. krams (кремень), Слав. кремень.— Санск. çavas—сила, Stärke, отъ çav (ire).—Съ Литов. szakti, szokti — прыгать, плясать, тожественно Санск. çak (posse, valere), оттуда: Санск. çâka (herba), çakuna (avis in universum); çâka (potens, machtig), Готск. hauhs, Древне-Нѣм. hoh, Голанд. hoog (=çâka) высокій, возвышенный, Слав. соколъ, сокъ: сочевица, чечевица, Ц.-Слав. сочиво (велень). — Отъ Санск. çjai — ire, se movere, происходитъ Санск. çila — natura, indoles, природа, свойство, Слав. сила.—Отъ Санск. krap, kṛp, kap (ire) происходятъ: Санск. kṛp (образъ, видъ, Form, Gestalt), Зендск. kerep (corpus), Латин. corpus, Церк.-Слав. крѣпъ (ἰσχυρός, fortis), Русск. крѣпь, крѣпость, крѣпкій, а также: крупный.—Древне-Нѣм. krifan (serpere), Kraft (vis, robur), Англосакс. craft (ars, scientia), Литов. karpa—бородавка, Греч. καρπός — плодъ, Латышск. krepes — грива. Кельтск. crif — fort, robuste, puissant. — Съ Санскритскимъ magh, mangh (ire, properare) тожественно Санск. mah, manh (вм. magh, mangh) crescere; оттуда Слав. могу, мочь, мощь, Ц.-Слав. мѫжь, Польск. mąż, Русск. мужъ. — Ц.-Слав. вельможа, вельможь, вельмѫжь — optimatum unus. — Санск. pall (ire), Латин. pollere—быть сильнымъ, могучимъ, имѣть силу.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ЗАПИСКѢ:

Старинныя сказки о царѣ Соломонѣ.

(Изв. IV. стр. 337 и слѣд.)

Мы замѣтили уже нѣкоторыя преданія о царѣ Соломонѣ, которыя, не смотря на свое чужое происхожденіе, привились къ нашей народной словесности и отразили на себѣ ея вліяніе (Изв. IV, 337—353). За недостаткомъ рукописныхъ текстовъ мы не могли однако обозначить точнѣе эти преданья, составляющія одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ старинной нашей повѣсти: такой же неполный списокъ представляетъ другое сказаніе, находящееся въ скорописномъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка изъ Толстовскаго собранія 2, 140, Публ. Б-ки XVII. Q. 22. Повѣсть помѣщена въ сборникѣ на л. 734 — 739 подъ заглавіемъ: «Сказаніе о премудрости царя Соломана и о Южской царицѣ и о философѣхъ» (начин. «царьствующу Давиду царю во Іерусалимѣ и родися ему сынъ Соломанъ» и пр.), но къ сожалѣнію статья недописана и въ срединѣ ея не достаетъ нѣсколькихъ листовъ, такъ что нельзя понять всего содержанія; нѣтъ сомнѣнія только, что разсказъ о царицѣ Южской и загадкахъ ея составлялъ эпизодическую часть исторіи. Мудрость Соломона составляетъ главный сюжетъ, на которомъ держится разсказъ. Соломонъ учился «грамотѣ не одной, ино всякой премудрости и хитростемъ» и потомъ «царь Соломанъ по многимъ землямъ царствовалъ, философствуя предъ цари и царицами многими».

«Малу жь времени минувшу — начинается эпизодъ о царицѣ Южской,— прiиде къ нему нѣкая царица отъ юга съ философы своими, хотяше царя Соломана искусити, и принесе ему дары многіе, злато сусалное и палицы еловые. Во единъ же день призва ея царь Соломанъ къ себѣ, хотя слышати реченная отъ нея премудрости; царица жь приде къ Соломану съ философы своими, и рече ей царь Соломанъ: повѣжь ми, царица, которыхъ звѣрей, или скота, или птицъ, мяса хощешь ясти, да повелю ти доспѣти?— Царица жь рече: отъ тѣхъ звѣрей доспѣи ми потребу, что нази летаютъ межь неба и земли, костяныя крылѣ имѣютъ, на небо не взираютъ, гласа не имѣютъ.—Соломанъ же поразумѣвъ, что царица хощетъ *остриныя* ясть, тогда Соломанъ повелѣ позаромъ своимъ остриныя доспѣти.»

Въ томъ же тонѣ продолжаются бесѣды ихъ и далѣе; загадки слѣдуютъ за загадками и мудрость Соломона остается непобѣдимою. Восточное происхожденіе повѣсти ясно обнаруживается въ этой мнѣрѣ: споры о мудрости; цари, окруженные мудрыми совѣтниками; самое рѣшеніе загадокъ посредствомъ приведенія ихъ ad absurdum, какъ увидимъ далѣе,—составляютъ очень обыкновенный, и даже спеціальный мотивъ восточнаго вымысла. Вторая загадка царицы состояла въ слѣдующемъ:

«Царица жь втаи повелѣ порядити молодцы, и дѣвицы красные острицы и въ мужескіе порты облещи, и постави ихъ предъ царемъ Соломаномъ и рече: повѣдаи ми, Соломане, которы *полкъ* молодцы, а которые дѣвицы? — Тогда Соломанъ повелѣ слугамъ своимъ принести орѣховъ и предъ ними посыпать, и повелѣ имъ грабити *). И начаша молодцы по своему чину орѣхи грабить и въ корваны **) своя калдуша; дѣвицы же начаша грабити и въ рукавъ сыпать. Тогда Соломанъ разумѣ, кое молодцы и кое дѣвицы, и все царицѣ разсуди».

Подобные эпизоды нерѣдко встрѣчаются и въ книжныхъ и въ чистонародныхъ преданьяхъ, даже безъ всякаго заимствованія. Простой, неухищренной фантазіи народа представлялись одинаковые случаи, въ которыхъ могла выразиться мудрость сказочнаго героя, и они вносились въ сказку и преданіе. Въ Валашской сказкѣ о бѣломъ и

---

*) т. е. просто: брать, собирать.

**) въ рук. *карманы* т. е. карманы.